Кир Булычев

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА

Кир Булычев

Последняя война

Серия «Доктор Павлыш», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135346
Булычев К. Поселок: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-12484-5

Аннотация

«Последняя война» – роман о приключениях космического доктора Павлыша. Пережив вместе с героем головокружительные и опасные ситуации, невольно задаешься вопросом: «А что происходит, что будет, что может произойти?»

Пророк говорит: «Будет так!»

А фантаст говорит: «Может будет так, но мне бы этого не хотелось».

© FantLab.ru

Содержание

Глава первая 5
1 5
2 7
3 12
4 16
5 23
6 25
7 31
8 35
9 44
10 47
Глава вторая 52
1 52
2 56
3 61
4 63
5 66
6 70
7 72
8 78
9 82
10 87
11 90

Глава третья 93
1 93
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Кир Булычев
Последняя война

Глава первая
С опозданием на год

1

СУДОВАЯ РОЛЬ К/К [1] «СЕГЕЖА», ПОРТ ПРИПИСКИ – ЗЕМЛЯ-14, Г/П 304089 [2]

Капитан корабля – Загребин Геннадий Сергеевич.

Старший штурман (старпом) – Баков Алексей Иванович.

Старший механик – Лещук Александр Александрович.

Второй штурман – Бауэр Глеб Андреевич.

Второй механик – Антипин Иван Филиппович.

Третий штурман – Кударускас Зенонас.

Третий механик – Ткаченко Кира Сергеевна.

Врач – Павлыш Владислав Владимирович.

Радист – Цыганков Юрий Петрович [3].

---

[1] К/к – космический корабль.

[2] Г/п 304089 – галактические позывные к/к «Сегежа».

[3] Более известен под прозвищем Малыш.

Повар – Ионесян Эмилия Кареновна.
Практиканты – Райков Христо, Панова Снежи́на [4].
Пассажиры – корона Аро, корона Вас.

[4] Стажеры Софийского института космических исследований.

2

СРОЧНО Г/П 304089 КАПИТАНУ ЗАГРЕБИНУ ПО ДОГОВОРЕННОСТИ С ГАЛАКТИЧЕСКИМ ЦЕНТРОМ ВАМ ПРЕДПИСЫВАЕТСЯ НЕМЕДЛЕННО ПРЕРВАТЬ ПОЛЕТ В СЕКТОРЕ 31-6487 ОЖИДАТЬ К/К КОРОНА КЕНШ Г/П 312 ПРИНЯТЬ НА БОРТ ПАССАЖИРОВ И ГРУЗ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ ОБОРУДОВАНИЕ ДЛЯ ШАХТ ТИТАНА ПЕРЕГРУЗИТЬ НА К/К КОРОНА КЕНШ ПРОДОЛЖАТЬ ПОЛЕТ СОГЛАСНО УКАЗАНИЯМ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦЕНТРА ЖЕЛАЕМ УСПЕХА ЗЕМЛЯ-14 КОЛЛИ

Малыш подписал бланк, поставил время: 8 часов 40 минут. Время судовое. Сеанс связи с Землей должен начаться только через два часа.

Малыш включил экран внутренней связи. На мостике капитан был не один. Он стоял, наклонившись над столом с картами, большими ладонями придавив края, и оба стажера – Снежи́на и Христо – заглядывали через его плечи, слушали.

«Лучше поднимусь сам, передам мастеру, – подумал Малыш. – Радиограмма персональная, срочная».

Малыш подтвердил прием и выключил передатчик. Сигнал подтверждения, помчавшийся к Земле-14, представился

ему в виде зримого тела, пропадающего из глаз, несущегося между потоками метеоров и космических лучей туда, где за много миллионов километров ждет его Агнесса Колли. Нет, она не ждет. Она знает, что сигналу добираться почти полчаса. Она оборачивается к напарнику, рыжему Ахмеду, просит его сбегать за кофе. И Ахмед бежит. А Агнесса, пользуясь минутой одиночества, достает спрятанное в журнале метеоритных сводок письмо от Юры Цыганкова, которого она никогда не называет Малышом и не любит, если называют другие. Письмо уже потерлось на сгибах – кончается вторая неделя, как «Сегежа» стартовала к Титану. Ахмед возвращается с чашкой кофе, Агнесса незаметно прячет письмо. Ахмед улыбается и говорит, что у него есть два билета…

Часы над головой прозвенели четвертушку часа. Восемь сорок пять. У Малыша испортилось настроение. Почему он решил, что Агнесса перечитывает его письмо? Она могла выбросить его, не распечатывая. Малыш включил авторадиста, вышел в коридор.

Коридор был наполнен негромким, многозвучным гулом. В нем сливались далекие голоса, шорох воздуха в кондиционерах, пришептывающие шаги роботов, звон посуды в буфетной – и все эти звуки растворялись, перемешивались и тонули в монотонном, утробном говоре двигателей.

Малыш остановился, с удовольствием прислушиваясь к голосам корабля, одернул куртку, пришлепнул ладонью волосы. И увидел доктора Павлыша. Доктор вышел из свое-

го кабинета. Он нес рулон белой бумаги, подгребал им, как веслом. Доктор был более других на «Сегеже» похож на идеального космонавта. В порту, на Земле, он облачался в голубой мундир космонавта дальнего плавания; глаза его принимали тогда цвет горного озера, а серебряная змея, обернувшись вокруг чаши над верхним карманом, почему-то производила впечатление штурманского штурвала. Девушки называли его «капитаном». Павлыш улыбался чуть загадочно.

Малыш не устоял перед искушением. Он вспомнил, что доктор все уши прожужжал Снежи́не об аметистах Титана, хотя сам на Титан не ходил.

– Послушай, Слава, – сказал Малыш. – На Титан не идем.

– Что случилось? – спросил доктор.

– Срочная с Земли, – сказал Малыш, показывая ему издали бланк, и хотел проследовать дальше.

– Стой. – Слава преградил путь рулоном бумаги. – Не веди себя как женщина.

– А как? – спросил Малыш.

– Знаешь, они говорят: «Ах, что я знаю, но тебе не скажу».

– Чудак. Видишь же: лично капитану. Выходим на рандеву с «Короной Кенш». Знаешь такой? Г/п 312?

– Еще бы! Это же Галактический центр. Пойду скажу Снежи́не.

«Ну вот, – подумал Малыш, оставшись в одиночестве. – Почему это не я скажу Снежи́не?»

– Как дети малые, – пробурчал он сам себе, открывая

дверь в рубку. – Скажу, не скажу…

– Ты кому? – спросил Глеб Бауэр, вахтенный штурман.

– Себе.

– Что за депеша?

– Мастеру, – ответил Малыш строго.

– А почему не вовремя? – спросил Бауэр. Он сидел на диванчике в штурманском закутке и читал лоцию сектора. – Что-нибудь серьезное?

Малыш молча прошел в рубку. Загребин стоял у большого экрана, рассказывал какую-то байку практикантам; те хлопали глазами от восторга и по наивности верили каждому слову. Малыш не спеша подошел к ним и встал лицом к мастеру. Рядом с Христо. Сделано это было с намерением – Христо невелик ростом, а Снежи́на значительно превосходила Малыша, и тот не любил стоять с нею рядом.

– Геннадий Сергеевич, – сказал Малыш, – Вам срочная с Земли.

Загребин погасил сигарету о пепельницу, прикрепленную к ободу большого экрана, прочел телеграмму медленно и обстоятельно, даже чуть шевелил губами.

Малыш посмотрел на Снежи́ну и обрадовался, что Павлыш не успел ей ничего сказать.

– Что там? – шепнул Христо, толкнув Малыша локтем. Загребин протянул вдоль пульта большую, мягкую, покрытую веснушками кисть, включил внутреннюю связь.

– Старшего помощника прошу подняться на мостик, –

сказал он.

Потом обернулся к Малышу и спросил добрым – обманчиво добрым – голосом:

– Команда уже оповещена?

– Я сюда прямо из рубки, – ответил Малыш. – Разве не понимаю?

– Между приемом и вашим появлением здесь прошло десять минут. Издалека шли?

Дверь отъехала в сторону. Старпом Баков возник на мостике. Скорость, с которой он преодолел расстояние от своей каюты до мостика, была фантастической, но при том Баков сохранял спокойствие и делал вид, что не спешит.

– Учись, – сказал капитан Малышу. – Алексей Иванович, прочтите, – продолжал он.

Малыш отступил на несколько шагов, натолкнулся спиной на Глеба Бауэра. Тот уже поднял с диванчика два метра своих костей и сухожилий. Малыш задрал голову и сказал тихо:

– На Титан не идем. Срочная с Земли-14.

– Шутишь, дуся, – сказал Глеб.

– Глебушка, – позвал капитан. – Брось ты эти вторичные источники информации. Разыщи сектор три-один-шесть-четыре-восемь-семь. Запомнишь? Или повторить?

Через сорок три минуты «Сегежа» начала торможение. К этому времени содержание телеграммы было знакомо всему экипажу.

3

Некоторые особо деликатные операции Эмилия Кареновна никому не доверяла, тем более роботам. К их числу относилось мытье и вытирание голубого сервиза. Как-то, еще в прошлом рейсе, она поручила достать его из шкафа Гришке, кухонному роботу. Тот одну чашку тут же разбил. Не хватало и еще одной чашки: ее уронил Зенонас Кудараускас – поставил мимо стола.

Иногда, если накатывало плохое настроение и надо было успокоиться, отвлечься, тетя Миля осторожно извлекала тонкие фарфоровые чашки из гнезд в шкафу, обдавала их теплой водой и насухо протирала чистым махровым полотенцем.

За полуоткрытой дверью трепетали голоса; приглушенный, доносился грохот из трюмов. Тетя Миля перетирала голубые чашки.

– В первом же порту расчет, – говорила она, глядя в белую стену буфетной. – В первом же порту.

Крупная слеза сорвалась с ее ресницы и гулко щелкнула по тонкому фарфору. Тетя Миля подставила чашку под кран, смыла слезу.

В коридоре заверещали роботы, и Глеб Бауэр прикрикнул на них, чтобы не портили обшивку.

Снежи́на заглянула в буфетную, хотела напиться, увиде-

ла, что тетя Миля перетирает чашки, заподозрила неладное, взмахнула большими красивыми руками:

– Что-то случилось? Кто вас обидел, Эмилия Кареновна?

– Никто, – сказала тетя Миля. – Никто не обидел. Чего тебе, Снежка?

Снежи́на поправила волосы, самые пышные и самые черные волосы в Космическом флоте, и села на вертящийся табурет. Она была дотошна и обстоятельна. Она любила ясность.

– Я не верю. Рассказывайте.

Тетя Миля прижала чашку к груди. Поняла, что рассказывать придется. Да и хотелось.

– Я их ждала, – начала она. – Как ждала! Вся команда свидетель. Торт сделала со словами «Добро пожаловать» по самой середине… В холодильнике стоит. Каравай был, ты сама видела. Соль на верхушке. Ты же знаешь, я перегрузок совершенно не выношу, а пока тормозили, из камбуза не вылезала фактически, даже Гришку моего отключила. Все сама. Правда, Кирочка Ткаченко немного помогала, она это любит. Потом вышла к тамбуру, а как увидела – каравай Кирочке, а сама сюда. Плохо мне, просто не могу. Такое впечатление, словно в детстве снились, в кошмаре.

– А вы их разве на Земле не видали? – удивилась Снежи́на.

– Там у нас, на базе, другие были, двигатели монтировали. Милые такие, с тремя ногами, аккуратные, глазастые. А

этих я как увидела – каравай Кирочке сунула и бежать. Даже стыдно, но ничего с собой поделать не смогла. Ой, идет…

Тетя Миля непроизвольно зажмурилась. Вцепилась пальцами в край стола – даже суставы побелели.

Снежи́на обернулась. Мимо открытой двери прошла хвостатая жаба. У жабы были длинные тонкие руки. Она жестикулировала ими, объясняя что-то семенившему рядом Малышу.

– Ты иди, – произнесла тетя Миля тихо, не открывая глаз. – Мне самой стыдно, ты не думай. Только пирожок сверху возьми, из белой кастрюли. С рисом и яйцами.

Снежи́на вздохнула, мотнула головой, рассыпав по плечам чудесные волосы, открыла шкаф и взяла из белой кастрюли пирожок.

– Это очень крупные ученые, – сказала она.

– Я знаю, – согласилась тетя Миля. – Во мне животный атавизм пробудился.

– Вы к ним обязательно привыкнете, – утешила ее Снежи́на. – Можно еще один пирожок?

– Возьми. Только один. Скоро обед.

В буфетную заглянул Христо.

– Извините, – сказал он. – Снежи́на за схемой пошла, а я жду. Извините. – У Христо печальные карие глаза и подвижные брови, движущиеся в такт губам. – Извините, – повторил он еще раз.

– Мы пошли. – Снежи́на отломила практиканту половин-

ку пирожка. – Все будет хорошо.

В коридоре Снежи́на вспомнила, что хотела пить, но возвращаться не стала.

4

В два тридцать громыхнул гонг. Загребин купил его в Рангуне, когда был в отпуске. Такого гонга не было больше ни на одном корабле. С боков его поддерживали хоботами слоны из тикового дерева. В гонг любили бить роботы. Даже чаще, чем нужно.

Снежи́на подошла к зеркалу. Зеркало у нее в каюте было похоже на грушу или на голову императора Франции Луи-Филиппа, каким его рисовал Домье. Зеркало придумал какой-то умник из Института интерьеров. Снежи́на предпочла бы самое обычное, круглое или четырехугольное.

Снежи́на поглядела в зеркало и понравилась себе. Она не была самовлюбленной. Просто Снежи́на настолько красива, что даже сама это признавала. Причесываясь, она вдруг улыбнулась. «А ведь и мы им не нравимся, – подумала она. – И я тоже для них уродлива».

Вошла Кирочка Ткаченко. Кирочка ниже Снежи́ны на две головы, беленькая и почти прозрачная. На медкомиссии она тратит втрое больше времени, чем любой космонавт. Врачи не могут поверить, что она здорова, настолько здорова, чтобы работать третьим механиком на «Сегеже».

– Идешь обедать, Снежка? – спросила она.

– Иду. Сейчас. Заколоть волосы или так?

– Так, – сказала Кирочка. – А я одна боюсь в кают-ком-

панию идти. Вдруг они уже все за столом сидят, я вхожу, а мастер скажет: «Вот наш третий механик, вы не думайте, что она у нас такая маленькая и тоненькая…» Ну, знаешь, как он всегда гостям говорит.

– Чепуха, – сказала Снежи́на, закалывая волосы на затылке. – Он тебя очень уважает.

– Я не об этом. Это же не обыкновенные гости. С тобой спокойнее.

– Тетя Миля кончила расстраиваться?

– А что?

– Испугалась корон.

– По-моему, ничего особенного.

– Ну, а как теперь? – Снежи́на обернулась к Кирочке.

– Я же говорю: ты как ни причешешься…

– А мне они сначала тоже страшными показались, – призналась Снежи́на. – Мир полон неожиданностей.

– Пошли, и в самом деле сегодня опаздывать не стоит.

Девушки спустились по трапу. У экспериментального номера стенгазеты, полностью сделанного роботами, стоял доктор Павлыш.

– Жуткое зрелище, – сказал он. – Все правильно. Даже есть анонимное письмо в редакцию: «Долго ли гонг будет звенеть в неположенное время?»

Доктор Павлыш церемонно предложил дамам обе руки, и двери в кают-компанию раскрылись.

– С вашего разрешения, – кивнул Павлыш старшему

штурману.

– Пожалуйста, – ответил Баков.

Его казачий чуб и усы были тщательно расчесаны. Старпом был в парадной форме. Знак космонавта дальнего плаванья вбирал в себя свет люстры и разбрасывал его зайчиками по углам кают-компании.

Все свободные от вахт члены экипажа уже сидели за столом. Снежи́на прошла на свое место между Павлышом и Кудараускасом.

Кухонный робот Гришка в кокетливом белом передничке (тетя Миля сшила для уюта) раскладывал приборы.

– А где тетя Миля? – спросил Малыш.

– Эмилия Кареновна, – позвал Баков. – Мы вас ждем.

– И праздничный торт тоже, – вставил Малыш.

– Эмилия Кареновна не придет, – быстро сказала Снежи́на. – Она себя плохо чувствует.

– Как так? – Старпом строго посмотрел на Павлыша.

Павлыш густо покраснел – румянец мгновенно разбежался по щекам, подобрался к голубым глазам и даже залил лоб.

– Она ко мне не обращалась, Алексей Иванович.

– Ничего особенного, – сказала Снежи́на. – Медицинская помощь не требуется.

Как-то все одновременно замолчали, и затянувшаяся пауза заставила всех обернуться к двери. «Сейчас они войдут, – подумала Снежи́на. – Может быть, им тоже немножко не по себе. Они войдут, увидят длинный стол: на одном кон-

це место капитана, на другом – старшего помощника. Нам этот стол уже настолько знаком, что мы его и не замечаем. А их может удивить. Допустим, у них вовсе столов нет. А там дальше, за полураздвинутой зеленой портьерой, полукругом диван, перед ним шахматный столик, одной пешки не хватает; нарды: в них играют Малыш с доктором. На стене по обе стороны от двери – картины. Одна – чайный клипер, срывающий в стремительном полете верхушки волн, другая – лесное озеро…»

Капитан Загребин открыл дверь, чтобы пропустить гостей. Сначала корону Аро, потом корону Вас, а может, и наоборот. Загребин вошел за ними.

– Добрый вечер, – сказал он.

Загребин был официален и несколько торжествен. Светлые волосы зачесаны назад, на макушке хохолок.

– Разрешите представить, – произнес он, – наших гостей. С сегодняшнего дня – членов экипажа.

Гости заняли все свободное место между столом и дверью. Они были на голову ниже Загребина, но куда тяжелее и массивнее. Хвосты они закинули на плечи, чтобы не задеть мебель. Концы хвостов, роговые, раздвоенные, чуть шевелились. Гостям было тесно и неуютно. Они волновались.

– Добрый вечер, – сказал один из гостей.

На груди у него висела черная коробочка лингвиста.

Члены экипажа по очереди подходили к гостям, чтобы представиться. Все отлично понимали, что этого не следует

делать – церемония затянулась, каждому приходилось огибать стол, протискиваться между стульями, потом возвращаться на свое место. Загребин не догадался сказать: сидите, но ошибку исправлять не стал, а отступил на шаг, в дверной проем.

Когда дошла очередь до Снежи́ны, она протянула руку, и рука короны, тонкая, шершавая, как газетный лист, легко сомкнулась вокруг ее кисти. Снежи́на посмотрела в глаза гостю, отклонив голову подальше от страшноватого рога на хвосте. Глаз было несколько. Они протянулись цепочкой поперек головы.

– Корона Аро, – сказал гость.

Чешуйчатая зеленая кожа на его теле оказалась тонким комбинезоном.

– К сожалению, – добавил Загребин после того, как Малыш, последний из членов экипажа, вернулся на свое место, – наши гости не могут обедать с нами в кают-компании. У них есть запас питания, которое отличается от нашего…

Снежи́не показалось, что со стороны буфетной донесся вздох облегчения.

Корона Аро – он был в более темном комбинезоне – потрогал концами соединенных перепонками пальцев сиденье кресла. Руки его были такими длинными, что ему даже не пришлось нагибаться. Загребин указал короне Вас кресло по другую руку от себя. Сам не сел – ждал, когда усядутся гости.

– Рискните, – сказал Павлыш.

– Разумеется. – Аро как-то сжался с боков, вытянулся, мягко вошел в круг сиденья, охваченного подлокотниками, и замер, будто ждал, не упадет ли кресло.

– Очень удобно, – сказал он.

– Интересно, сколько они весят? – спросила шепотом Снежи́на у Павлыша.

За столом наступила секундная тишина, и все услышали шепот Снежи́ны.

За Павлыша ответил Аро:

– Около ста тридцати килограммов.

Баков посмотрел на Снежи́ну укоризненно. Он умел укоризненно смотреть на практикантов. Снежи́на не поднимала глаз, но чувствовала его взгляд.

– А я – сорок шесть, – сказала Кирочка Ткаченко, чтобы разрядить неловкую паузу.

– Спасибо, – ответил Аро.

Гришка в белом передничке заглянул в кают-компанию и спросил:

– Суп подавать?

– Пожалуйста, – кивнул Баков.

– И не забудь наших гостей, – сказал Загребин. – Ты знаешь?

– Да, я помню, – ответил робот.

Гришка поставил на стол супницу с борщом и принес коронам поднос с желеобразными кубиками.

– Передайте мне, пожалуйста, хлеб, – попросил Кирочку

Малыш, краем глаза наблюдая за тем, как короны перекладывают кубики желе себе в тарелки. Они делали это ложками, посмотрев предварительно, как пользуются ложками люди.

5

– Слава, – спросила Кирочка Павлыша, – чем можно объяснить – такая древняя раса, а хвосты не атрофировались?

– Может, у них есть полезные функции, – ответил рассеянно Павлыш. – Надо будет поинтересоваться.

– Тебе хочется их исследовать? Взять анализ крови? – спросила Снежи́на, затягиваясь. На первом курсе ее чуть не исключили из института за курение.

– Бессмысленно. – Павлыш посмотрел в зеркало, похожее на Луи-Филиппа, и пригладил тугие кудри. – Все равно что шимпанзе захочет взять анализ крови у меня. Я сейчас о другом думаю: почему капитан до сих пор не рассказал нам, куда и зачем мы летим?

– Может, он сам не все знает? – предположила Кирочка.

– Они пошли на мостик, – сказала Снежи́на.

– Кто – они?

– Мастер, старпом и короны.

– А почему они все короны? – спросила Кирочка. – Бросила бы ты, Снежка, курить. Дышать нечем. Слава как доктор мог бы тебе сказать, что это вредно.

– Знаю без него. – Снежи́на погасила сигарету. – Хронический кашель курильщика, потом искусственные легкие и скучная старость в санатории.

– Может, и обойдется, – сказал Павлыш. – Чем мы мо-

жем быть полезны коронам? Я понимаю: если их надо куда-то подвезти, а собственный корабль далеко. Но ведь они же летели на своем.

– Вот что, Слава, – сказала Кирочка, – хочешь поспорим, что через полчаса ты все будешь знать?

– Капитан просит свободных от вахт членов экипажа собраться в кают-компании, – раздался голос Бакова по внутренней связи.

– За тобою, Слава, торт ленинградского «Метрополя», – улыбнулась Кирочка.

– И, кажется, уже восьмой, – заметила Снежи́на.

– А я и не спорил, – сказал Павлыш. – Кстати, тортов всего пять.

6

Короны сели рядышком на диван. «Я к ним еще привыкну», – подумала Снежи́на. Она успела забежать к тете Миле. Тетя Миля уже знала, что короны не будут питаться в кают-компании, и относилась к ним куда мягче. Она даже сказала: «Правильно, что привезли с собой продукты. Чего мучиться на нашем рационе? Чуть ли не все – консервы. Луку всего килограммов пять осталось».

Загребин оглядел кают-компанию: все ли удобно устроились?

– Цыганков, – обратился он к Малышу, – в ногах правды нет. Разговор может получиться долгим. Эмилия Кареновна, вы не заняты?

– Иду, – отозвалась из буфетной тетя Миля. Капитана она не посмела ослушаться. Тетя Миля села за спиной Бауэра, подальше от корон.

– Сначала, – сказал Загребин, – я прочту перевод одного донесения. Этот перевод только что закончил Мозг. Поэтому я не рассказал все сразу после обеда. Я понимаю, на вашем месте я бы тоже удивился: чего это мастер таится?

– А мы нет, – сказал уверенно Малыш.

– Не верю, – отрезал Загребин и развернул лист бумаги. Потом с секунду подумал, свернул его и снова продолжил: – Перед тем как прочесть, скажу в двух словах предысторию

этого документа. Как вы знаете, Галактический центр в последние годы ведет большую работу, чтобы исследовать звезды, и в первую очередь планетные системы нашей Галактики. Работа эта долгая, трудная, и Галактический центр привлекает к ней всех, кто может быть полезен. Не исключено, что после окончания нашего рейса «Сегежа» тоже уйдет в дальний поиск. Почему я называю «Сегежу», вы, надеюсь, понимаете. Пока на Земле кораблей этого класса три. Двигатели для них монтировали с помощью специалистов Центра. Мы можем прыгать сквозь пространство. Без этого Галактику не освоишь. Так вот… – Загребин посмотрел на корон, которые сидели неподвижно, то ли опасаясь сломать диван, то ли внимательно слушали. В присутствии гостей Загребин немного стеснялся. Вроде бы стесняться нечего: корабль как корабль и команда хорошая, а все-таки… – Так вот, – повторил Загребин, – в ходе этих исследований… Шестнадцать лет назад Галактический центр встретился с нами. То, что он встретился с нами случайно, хотя мы уже самостоятельно вышли в космос, говорит, как трудны эти поиски. Могли бы не встретиться еще десять лет. К настоящему времени исследовано семь процентов планетных систем Галактики. Еще процентов тридцать планет находится под наблюдением. Среди них существует несколько пригодных для жизни. Одна из таких планет названа условно Синяя. Туда мы и летим.

Стало очень тихо.

– Расстояние? – вдруг спросил Иван Филиппович Антипин, второй механик.

– Девяносто три световых года отсюда, – сказал корона Аро. – Большой прыжок.

Снова пауза. Тогда капитан пригладил хохол на затылке и продолжил:

– Возникают вопросы. Несколько вопросов. Они возникли у меня, значит, и у вас тоже. Первый вопрос: почему мы туда летим? Второй: почему именно мы? Третий: зачем? Правильно?

– Правильно, – подтвердил Антипин. У него эти вопросы тоже возникли.

– Сначала ответим на первый. Для чего я и прочту донесение. Это длинный и очень подробный документ. Он будет лежать здесь, на столе, и каждый может прочесть его целиком, не торопясь. Я тут подчеркнул некоторые места. На них и остановлюсь…

Загребин снова развернул мелко отпечатанный лист перевода.

– Начинается он обращением: «Галактическому центру. Доклад автоматического разведдиска Г/п 31-4576. Цель полета – исследование планеты Синяя, на которой отмечен ряд взрывов большой мощности, очевидно, ядерного происхождения. Определение характера взрывов (сигнальный, конфликтный, нападение извне) и дальнейших мер».

– Ну и ну, – сказал тихо Павлыш.

– У меня у самого вопрос к нашим гостям, – произнес капитан.

– Пожалуйста, – ответил корона Аро.

– Откуда шло наблюдение за Синей планетой? Из Галактического центра? Визуально? Ведь расстояние – несколько парсеков.

– Другими словами, вы хотите спросить, когда произошли взрывы? Немногим более года назад, – сказал корона Аро. – Наблюдение велось не с нашей планеты, а с наблюдательной станции того сектора Галактики. А оттуда сигнал шел по каналу Галактического центра. Практически немедленно. Через три месяца после взрывов к планете ушел разведочный диск. Я правильно ответил на вопрос?

– Спасибо, – кивнул капитан. – Продолжим чтение: «При подлете к Синей планете уточнены ее физические характеристики. Диаметр по экватору – 13000 километров, расстояние до светила…» Ну, тут идет целый ряд данных… ага, вот, что нас интересует: «Температура на поверхности в пределах от плюс до минус тридцати градусов по Цельсию; состав атмосферы: кислород – двадцать восемь процентов, углекислый газ, азот, инертные газы; семьдесят процентов площади планеты покрыты водой…» Ну, и так далее. Теперь самое главное: «При первом облете планеты на высоте 100 километров обнаружены многочисленные следы разумной деятельности населяющих ее существ. А именно города, гидротехнические сооружения, дороги, открытые выработки и так

далее. Живых существ на планете нет. После перехода на более низкую орбиту стало возможным с уверенностью утверждать, что цивилизация на Синей планете достигла технологического уровня раннеатомной эпохи. Периода конфликтов. Очевидно, один из таких конфликтов стал для планеты гибельным»…

Корона Аро медленно повернул голову, вглядываясь в лица членов экипажа. Все молчали. Ждали.

– …«Радиация на планете достигает такого уровня, что биологическая жизнь того типа, который обитал на планете до возникновения конфликта, невозможна. Предполагаем, что даже если кто-то из обитателей Синей планеты смог спрятаться во время катастрофы в подземном укрытии, к настоящему времени он уже погиб. Уровень радиации опускается крайне медленно. Во время конфликта на планету враждующими сторонами было сброшено несколько сот крупных ядерных устройств и уничтожено большинство населенных пунктов». – Загребин аккуратно сложил листок и разгладил его. – Вопросы есть? Ясно теперь, куда мы направляемся?

– Боже мой! – вздохнула тетя Миля. – Всю свою землю погубили?

– Да, – сказал корона Аро. – Не осталось даже животных, даже птиц. Там совершенно пусто.

– А как возник конфликт? – спросил Кудараускас.

– Мы еще не знаем.

– И наша задача узнать как можно больше о погибшей ци-

вилизации?

– И это тоже, – подтвердил Аро.

Капитан Загребин сел рядом с гостями на диванчик. Предоставил им возможность отвечать на вопросы.

– Почему именно мы? – спросил Павлыш. – Наш капитан сам задал этот вопрос несколько минут назад.

– Я отвечу? – обернулся к капитану корона Аро.

– Конечно, – сказал капитан. – Вы лучше меня знаете.

Капитан положил на столик лист с переводом донесения, и тут же Антипин протянул руку и взял его со стола. Снежи́на заглянула Антипину через плечо. Донесение было напечатано на знакомом аппарате: еще вчера Снежи́на получала у Мозга консультацию по хранению запасных стержней; консультация была выполнена на такой же бумаге и этим же шрифтом.

– В документе, который взял механик Антипин, – сказал корона Аро (Антипин поднял голову, удивился, что корона уже запомнил его имя), – есть этому объяснение. Разведдиск совершил посадку в одном из городов, взял пробы воздуха, почвы, нашел кое-какие предметы, изготовленные обитателями Синей планеты. Среди них оказалось и вот это. – Аро оттянул зеленую чешуйчатую кожу на боку – обнаружился карман – и осторожно вытащил фотографию. На ней был изображен человек. Человек стоял на берегу озера, в тени остролистого дерева. Человек улыбался.

7

Последней фотографию рассмотрела Эмилия Кареновна. Она отдала ее обратно и громко всхлипнула. Малыш обернулся, хотел сказать что-то, но не сказал. Корона Вас подкрутил настройку лингвиста – видно, принял всхлипывание за непонятное и не переведенное лингвистом слово.

– Вот так, – сказал Загребин. – Туда мы и летим.

– На кладбище, – добавил Бауэр.

– Что же раньше-то не видели? – спросила тетя Миля.

– Знаете же, – сказала Кирочка, – увидели взрывы. И было поздно.

– Такое могло случиться и с нами, – заметил Кудараускас. – Но мы справились.

– Вы справились, – сказал корона Вас. – И мы тоже.

Голос его звучал очень ровно, нивелированный динамиком лингвиста.

Фотография человека на берегу озера легла на стол.

– Странное чувство, – произнесла Снежи́на. – Если бы я знала, что он просто умер, была бы фотография как фотография. А я знаю, что не только он умер – умерли все они. Представляете, все. Они строили дома, ездили друг к другу в гости. Думали, что их дети тоже будут строить дома и ездить в гости. И теперь нет никого – ни детей, ни домов. И некуда ездить в гости. И мы опоздали. На один год. И, наверное,

когда последние из них умирали, они знали уже, что больше ничего не будет. Так значительно страшнее умирать, когда знаешь, что больше ничего не будет…

– А почему все-таки мы? – спросил Бауэр. – Почему вы не полетели сами, на своем корабле?

– Это ясно, – ответил Малыш быстрее, чем успел сделать это корона. – Те были такие же или почти такие же, как мы. И мы лучше поймем все, что у них было. Лучше.

– Да, вы правы, – сказал корона Аро. – Вам ближе все, что создано на той планете. Когда мы получили донесение, то нас просто поразило совпадение. Природа редко повторяется. Вернее, совсем она не повторяется. Но так случилось, что Синяя планета очень похожа на Землю. И эволюция на ней проходила по похожим на земные путям. Конечно, бывшие обитатели ее – не совсем люди. Мы покажем вам материалы разведки. Они отличаются от вас. Но во всей Вселенной они существа наиболее близкие вам. И я понимаю ваши чувства. Очень прискорбно узнать, что во Вселенной у вас были братья и ваши братья погибли. Но если бы вопрос шел только о сборе материалов, мы не стали бы просить Землю, чтобы был выделен корабль для полета на Синюю планету…

Наступила пауза. Тишина. Малыш приоткрыл рот, чтобы сказать свое «я знаю», но промолчал. То был редкий случай, когда даже Малыш не знал, что сказать.

– Пожалуй, здесь трудно будет объяснить, – произнес капитан.

– Да, – согласился корона Аро. – Мы прибыли к вам не с пустыми руками.

Снежи́на поймала себя на том, что внимательно смотрит на тонкопалые руки короны, будто надеется что-то увидеть в них, нечто таинственное и значимое, ради чего «Сегежа» была снята с рейса и получила такое необычное задание.

– Не могли бы сейчас все пройти в нашу лабораторию? – попросил корона Аро. – Мы оборудовали ее в шестом грузовом отсеке. Там мы вам все покажем и объясним.

Оба гостя одновременно поднялись с диванчика и направились к выходу. В дверях корона Аро приостановился, чтобы пропустить Снежи́ну вперед. Хвост он спрятал за спину.

Снежи́на сказала ему:

– Вы быстро усваиваете информацию.

– Я надеюсь в ближайшее время говорить с вами без помощи лингвиста, – ответил Аро, – у меня хорошая память.

Тетя Миля подождала, пока все вышли, чтобы все-таки быть подальше от корон. Но в лабораторию пошла. Тете Миле было очень жалко людей. Или почти людей, которые загубили себя. Она догнала в коридорчике Кирочку и сказала ей:

– Кира, вы уж спросите у этих, может, не они сами, может, кто к ним прилетел?

– Ну кто может прилететь?

– Галактика большая, – произнесла тетя Миля.

Павлыш услышал разговор и сам спросил:

– Скажите, корона Аро, а не могло так случиться, что жи-

тели планеты подверглись нападению извне?

– Очень маловероятно, – ответил, не оборачиваясь, корона. – Но на месте мы все узнаем.

8

Корона Аро подошел к зеленому пульту, занимавшему половину дальней стены. Робот обслуживания тихо откатился в сторону, чтобы не мешать ему. Корона Вас остановился у похожего на операционный стол аппарата, покрытого сверху прозрачным колпаком и соединенного шлангами и проводами со вторым, небольшим пультом у изголовья.

– Это опытная аппаратура, – сказал Вас. Если в кают-компании говорил в основном Аро, то здесь Вас был более уверен и разговорчив. – Мы закончили ее разработку несколько месяцев назад. В Галактике она пока неизвестна. И долго не была бы известна, не случись несчастья с Синей планетой. Назначение ее – оживлять погибшие или умершие живые существа.

Павлыш как зачарованный подошел к столу.

– Если в теле сохранились наследственные клетки, можно восстановить по ним весь организм, – продолжал Вас. – В любом живом организме наследственные клетки хранят информацию, включающую его строение, функции, способ воспроизводства. Не только у нас – и на вашей планете давно уже научились читать эту информацию, вносить коррективы в нее, борясь с генетическими заболеваниями и пороками. И вы и мы много десятилетий назад научились искусственно выращивать зародыши. Следующий шаг – клетка.

– Браун в Массачусетсе работает с мышами, – сказал Павлыш. – Я читал. Но пока…

– Неудивительно, – ответил корона Аро. – Мы начали опыты значительно раньше. И у нас тоже долго не получалось. Проблема была в том, как прочесть информацию, заключенную в мертвой клетке.

– И сколько же времени после смерти клетка хранит информацию? – спросил Павлыш.

– Это зависит от условий, в которых она находилась.

– Но если вы воссоздадите организм по клетке, будет ли возвращена ему память? Вспомнит ли ваше существо о приобретенном опыте? Этого же нет в обычной клетке.

– Вы правы, доктор, – согласился Вас, нетерпеливо постукивая по полу кончиком хвоста. – Нам подходит не каждая клетка.

– Прошел год, – сказала Снежи́на.

– И все же мы не теряем надежды, – ответил Аро.

– Нам уже удавалось оживлять подопытных животных через несколько месяцев после их гибели, – дополнил Вас, – и сейчас мы продемонстрируем вам наше знание. К сожалению, в нашем распоряжении нет ни одного живого существа, которое можно было бы умертвить. Скажите, на вашем судне есть какие-нибудь животные?

Баков обернулся почему-то к Эмилии Кареновне.

– Эмилия Кареновна? – спросил он строго.

– У меня мышей нет, – сказала тетя Миля. – И быть не

может.

– Говорила вам, возьмем кота, – напомнила Кирочка. – На «Кейптауне» ведь восемь котят. Любого отдавали.

– Мы этого опасались, – сказал корона Вас и обернулся к Аро. Он отключил лингвиста.

Разговор корон казался похожим на настройку симфонического оркестра – невозможно было уловить одну последовательную линию в разнотонных музыкальных звуках.

– Простите, – опять включился корона Аро. – Мы обсуждали возможность временно убить одного из нас. Но оставшемуся вряд ли удастся справиться с аппаратурой.

– Ну что вы, – успокоил его Загребин. – Мы что-нибудь придумаем, вы уж не волнуйтесь.

– Я к вашим услугам, – сказал Малыш.

– Не сходи с ума! – остановила его Кирочка.

– А почему бы и нет? Буду по крайней мере первым искусственно оживленным человеком. Повесть потом напишу. «Полчаса на том свете».

– Нет-нет, – отказался Вас. – Мы не согласны. Так нельзя рисковать.

Тетя Миля вдруг спросила:

– А если мороженную курицу?

– Курицу?

– Это такая птица, – разъяснил Бауэр. – Мы ее употребляем в пищу.

– Только она потрошеная, – сказала тетя Миля.

– Очень хорошо, – сказал корона Вас.

Тетя Миля поспешила в кладовую.

– Придется подождать, пока она согреется, – сказал корона Вас. – Это недолго.

– Мы подождем, – ответил Баков, и концы его пшеничных усов приподнялись.

Баков впервые летел старпомом и был подчеркнутым патриотом «Сегежи». Придирчиво следил за чистотой, здоровьем, образцовым состоянием экипажа и корабля. За это Павлыш порой ворчал на старпома. «Завтра начнет ставить пятерки и двойки за чистоту в каютах, – жаловался он Снежи́не. – Или считать калории в супе». Тетя Миля называла его «наш с усами», она не любила, когда посторонние распоряжались на камбузе или в буфетной.

– Мы подождем, – повторил Баков.

Все было в порядке. Мертвое животное на корабле нашлось, потому что на образцовом корабле должно быть все. Неизвестно, что может понадобиться на планете «Х».

Тетя Миля держала курицу за ноги, связанные тесьмой. Кожа курицы была покрыта инеем, переливалась фиолетовыми и желтыми пятнами. Когти растопырены, длинная шея замерзла, закоченел приоткрытый клюв.

– Я выбрала с головой, с мозгами, – сказала тетя Миля.

Вас взял курицу, положил на столик у пульта. Тельце гулко стукнулось о поверхность столика. Аро подкатил от стены зеленый блестящий ящик. Ящик послушно остановился.

Вас откинул крышку, положил курицу внутрь. Корона Аро между тем привел в действие пульт, дрогнули стрелки, побежали по экранам пики.

– Минуты через три-четыре поднимем температуру до нужного уровня, – пояснил корона Вас.

– И вы собираетесь так оживлять людей там? – спросил Бауэр.

– Это зависит от того, найдем ли мы останки достаточной сохранности, которая позволит произвести эксперимент удачно. И вам понятно теперь, почему мы просили снять с маршрута именно земной корабль?

– Да, – произнесла Эмилия Кареновна.

Все повернулись к ней. Тетя Миля густо покраснела и выставила, как бы защищаясь, ладонь перед грудью.

– Я ничего не хотела сказать.

Губы короны Аро загнулись в подобие улыбки.

– Правильно, – сказал он. – Извините, но для нас не секрет: наш внешний вид несколько смущает Эмилию Кареновну. Он ей неприятен. Не так ли?

– Нет, что вы, – быстро проговорила тетя Миля. – Я уже привыкаю.

– Но еще не привыкли. А ведь вы были предупреждены о нашем прилете. Вы знаете, что Галактический центр объединяет существа очень разного типа. Может, даже видели наши изображения. Вы не пережили гибели своей цивилизации. Верно?

– Не пережила, – подтвердила тетя Миля.

– Мы решили, что если оживим хотя бы одного жителя Синей, он должен очнуться среди существ, близких ему.

– Можно начинать, – заметил Вас, который, казалось, не слушал своего товарища.

Снежи́на шагнула поближе к операционному столу. Остальные тоже.

– Операция займет несколько минут.

Корона Вас положил обмякшую, мокрую курицу под сдвинувшийся колпак. Колпак тут же вернулся на свое место.

– Начинаем. – Аро нажал несколько клавишей на пульте.

Поверхность стола ожила. Из нее выросли зажимы, щупы, иглы, и через несколько секунд курица была крепко опутана и почти скрыта под их слоем. Аппарат тихо заурчал. Снежи́на достала сигарету, но закурить не решалась.

Она смяла ее пальцами, и табак рассыпался по полу. Баков заметил и сердито зашевелил усами, но ничего не сказал. «Потом скажет», – подумала Снежи́на.

– В течение первой минуты мы анализируем состав тела, структуру клеток, – сказал Вас.

Павлыш отошел к пульту и старался угадать логику в показаниях приборов.

– Мы просим вас помочь нам, – обратился к нему Аро. – Это несложно.

Минуты тянулись страшно медленно. Секундные стрелки

двигались вдесятеро ленивей, чем положено…

Павлыша вдруг охватило холодное чувство надвигающейся неудачи, провала. Сейчас пройдет еще несколько минут, корона Вас засуетится растерянно у приборов, Аро взмахнет вежливо хвостом, скажет: «Простите, но аппаратура экспериментальная…» Однако короны молчали.

– Смотрите, – сказал Христо. – Перо.

Кожа курицы дрогнула. Тонкие стружки молоденьких перьев просверливали ее и росли, как белые былинки.

– Правильно? – спросил Вас. – Я не видел раньше курицу.

Чуть шевельнулся, наливаясь кровью, гребешок, и дрогнула нога, подтягивая когти.

«Ой, – подумала Снежи́на, – сколько нам еще работать, пока мы станем как они. Человек – венец создания. Показать бы средневековым людям кого-нибудь из корон. Человек – венец создания. Чьего? Вот настоящие создатели. Наверное, Павлыш им завидует даже больше, чем я. Он специалист».

Веки курицы дрогнули, она приоткрыла клюв и издала короткий, хриплый звук. Ей хотелось встать, но, крепко связанная, она могла только озираться.

Аро отключил аппаратуру. Вас приоткрыл колпак. Щупы и ленты спрятались в стол. Курица забила крылом, встала неловко, будто обучаясь, сделала шаг, торжествующе заклекотала и, замахав крыльями так, что в лаборатории поднялся ветер, слетела по широкой дуге на пол.

Все стояли, будто примерзнув к полу, глядели на курицу,

а та как ни в чем не бывало подошла к рассыпанному Снежи́ной табаку и попробовала склевать крошку.

– Ну как? – спросил корона Вас.

– Убедительно, – кивнул Павлыш.

– И вся эта операция заняла двадцать восемь минут, – сказал Антипин.

– Дура эта птица, – произнесла Снежи́на. – Хоть бы что – гуляет.

– Что ж, я полагаю, что демонстрация окончена. – Загребин посмотрел на часы. – У нас очень много дел. И, по-моему, куда больше оснований спешить к Синей планете, чем раньше. Я думаю, что лучше всего мы выразим восхищение работой наших коллег, если сможем провести подготовку к большому прыжку и выход в точку прыжка за сорок часов. На вахты идут все. Мы со старшим штурманом и стармехом поднимемся на мостик. Остальных попрошу начать подготовку. Еще раз спасибо.

Последнее относилось к коронам.

Капитан вышел из лаборатории. За ним поспешил Баков.

Расходились не сразу. Павлыш расспрашивал корон об аппаратуре. Бауэр помог тете Миле поймать курицу.

Малыш посмотрел на них и вдруг хихикнул.

– Ты что? – спросила Кирочка Малыша.

– Я подумал: паровое мясо нам обеспечено. В морозильнике должны быть коровьи туши. Скоро крупный рогатый скот примется расхаживать по кораблю.

– Ты с ума сошел, Малыш, – сказала Кирочка. – Я ужасно боюсь быков и коров. Они бросаются на красное, а я – рыжеватая блондинка.

9

– Сначала я себя чувствовал очень неловко, – сказал корона Вас. – Мы вторглись в ваш мир, даже перепугали Эмилию Кареновну.

– Нам тоже было не по себе, – проговорила Снежи́на. – Вы бы садились.

– Если не возражаете, на пол. У нас нет стульев в вашем понимании.

– Садитесь. Вам налить соку?

– Апельсинового, – попросил корона Вас. – Опять у Аро кончается белок, а синтезатор никак не наладим.

– А вот нам вы помогли, – сказала Снежи́на, открывая банку с соком. – Вы знаете, тетя Миля соорудила птицам загон и ждет, когда они начнут нестись.

– Нестись?

– Ну, яйца нести, зародышей. Мы их тоже едим.

– Прискорбно, что наши братья по разуму – отъявленные хищники, – сказал Вас.

– Сегодня входим в большой прыжок, – перевела разговор Снежи́на. – Придется лезть в гермованну. Опять всю прическу испорчу.

Вас был абсолютно лыс. Он не мог понять соображений об испорченной прическе.

– Хороший сок, – заметил он. – Немного кислый.

Он приоткрыл один из карманов, достал какой-то пакетик, насыпал в стакан порошка. Сок вскипел и потемнел.

– Теперь совсем хорошо, – сказал корона Вас. – Я последние полгода не выходил из лаборатории. Когда близко решение большой задачи, остальное отступает на задний план. И однажды мы включили наш аппарат и вложили туда высушенную труку – это такое насекомое. И вдруг он подпрыгнул.

Воспоминание было таким ярким, что Вас закрыл все глаза и застыл с поднятым стаканом в перепончатой руке.

– Мы бы еще долго испытывали. И вдруг это известие. Тогда к нам прилетел Координатор и спросил, сможем ли мы немедленно вылететь к Синей планете. Это большая честь. И я чувствую себя великим ученым.

– Вы не страдаете излишней скромностью, – улыбнулась Снежи́на.

– А разве я не прав? Чье изобретение было применено для того, чтобы спасти целую планету?

– Вниманию пассажиров и членов экипажа, – вдруг произнес динамик в углу. – Через двадцать минут объявляется готовность номер один к прыжку через пространство. Просим всех членов экипажа проверить состояние кают и служебных помещений. Для пассажиров подготовлены ванны второго резервного отсека. Повторяю, второго резервного отсека.

– У нас еще есть несколько минут, – сказал корона Вас. – Я

немного опасался, что различия во внешнем облике, в привычках помешают нам работать вместе. Но, по-моему, прошедшие пять дней…

– Тетя Миля вчера сама к вам в лабораторию ходила. Одна, – напомнила Снежи́на.

– И, пока ждала, рассказывала Аро, что на Земле есть небольшие земноводные, похожие на нас. И она с детства их не любит.

– Они называются жабами, – добавила Снежи́на. – Они крайне низко организованы.

10

Когда роботы задраивают колпаки ванн, в которых членам экипажа придется перенести ничтожно малое и в то же время бесконечно долгое время большого прыжка, люди начинают думать быстрее, чем обычно. Вся эта процедура чем-то похожа на собственные похороны. Правда, сравнение это бродит только среди курсантов и журналистов. Космонавты стараются делать вид, что дематериализация во время прыжка – обычная и несложная процедура, проще, чем перегрузки торможения. И все-таки…

Двигатели того типа, что стоят на «Сегеже», появились на Земле меньше десяти лет назад. Через несколько лет после того, как в ее жизнь вошел Галактический центр. Вошел он без фанфар и барабанного боя. На лунную базу опустился диск. Из него появились незнакомые существа и на хорошем французском языке (база была французской) сказали, что по договоренности с экипажем корабля «Антарктида», с которым встретились на одной из недалеких (сравнительно) систем, они привезли с собой почту «Антарктиды». Ведь она вернется на Луну через четыре года, так что почта, наверное, представляет интерес для родных и близких…

Двигатель, установленный на корабле Галактического центра, позволял перемещаться через нуль-пространство так называемыми прыжками. Так что сам полет состоял из

вылета в открытый космос, набора крейсерской скорости, подготовки к прыжку и затем снова торможения у нужной точки пространства. Полет на Плутон и полет на окраину Галактики занимал примерно одно и то же время – три-четыре недели. Столько требовали процедуры разгона и торможения.

«Сегежа» была одним из первых кораблей, построенных с галактическим двигателем. Она была диском, около ста пятидесяти метров в поперечнике, – издали ее трудно было отличить от других галактических кораблей. Полет на Титан, с которого ее сняли для участия в спасательной экспедиции на Синюю планету, был ее вторым путешествием. До этого в прошлом году «Сегежа» участвовала в экспедиции к Сириусу. Так что для большинства членов экипажа прыжок был уже не в новинку. И капитан, и Бауэр, и Кудараускас были знакомы с ощущением медленного, не очень приятного погружения в сон и еще более неприятного пробуждения после выхода из прыжка.

Болгарские практиканты и Баков летели на таком корабле впервые. Они, правда, провели несколько сеансов в тренажных ваннах Памирского института. Но там прыжок был условен. Когда просыпаешься, видишь все тот же пик Маяковского и то же стадо яков, которое успело за время, пока ты был без сознания, опуститься на несколько сот метров с перевала.

На этот раз между началом и концом сна протянутся ми-

риады километров, число которых доступно математике, но не разуму.

Роботы задраивали крышки ванн. Движения их были спокойны и неспешны. Для них не играло роли, людей они запаковывают или посуду.

Антипин, вахтенный механик, который войдет в ванну последним, когда убедится, что остальные заснули и корабль готов к прыжку, проверял герметичность ванн и креплений, улыбался запеленатым, будто мумии, товарищам, переходил к следующей ванне.

…В эти минуты люди начинают думать быстрее, чем обычно. Баков поймал себя на мыслях о Черном море, о теплой гальке пляжа, о пене, взлетающей над набережной Алушты, о солнечных бликах на волнах. Отогнал настойчивое видение, представил, что идет по кораблю: нет ли забытых, неукрепленных, брошенных вещей? У Павлыша в медкабинете? В буфетной? Запаковала ли Эмилия Кареновна голубой сервиз? Баков из чужих рассказов знал, что при выходе из большого прыжка обязательно обнаруживается недостача различных вещей: на большом корабле всего не учтешь, каким бы старательным старпомом ты ни был. Уж очень силен толчок. Но даже зная это, Баков всем существом противился подобной неизбежности. Такое могло случиться на любом корабле, но «Сегежа» не должна подвести…

Снежи́на представила себе разрушенную мертвую планету. Ветер, дующий между островами домов. То ли старый

кинофильм, то ли прочитанная и давно забытая страшная книга придала видению конкретность вплоть до деталей: повисшего на остатках балок балкона, остановившихся круглых часов на столбе, детской куклы, брошенной посреди мостовой…

Корона Вас думал о том, что после прыжка опять будет болеть голова, вернутся короткие обмороки, неожиданные и унизительные. Потом почему-то подумал, что эволюция обделила людей, дав им только два глаза, сильно ограничив им поле видимости. Сам же он отлично видел и голубой потолок отсека, и дно ванны, блестящее и мягкое, охватившее тело снизу…

Агнесса Колли, сильно приукрашенная воображением Малыша, заглядывала ему в глаза и шептала о том, что обязательно дождется. Последняя радиограмма, подписанная ею, пришла перед самым прыжком. Земля-14 давала «добро». Ближайшие несколько недель, а то и месяцев разделят радистов так надежно, что, захоти Агнесса наконец сказать Малышу «да», новость эта затеряется где-то на полпути к «Сегеже», пропадет, иссякнет.

Антипин убедился, что все в порядке. Включил газ. Он стоял на мостике один, смотрел, как стрелка тянется к красной черте. Он знал, что сейчас мысли пассажиров и космонавтов путаются, превращаются в сны, пропадают. Голубой газ медленно заполняет ванны, охлаждая тела, закутывая их надежно и плотно.

– Что ж, пора и нам, – сказал себе Антипин. Включил сирену «готовность-ноль».

Роботы послушно бросились к амортизаторам. Лишь последний, которому предстоит задраить ванну механика Антипина, шел сзади, пришлепывая ступнями по упругому пластику.

Корабль был мертв. Спал, заколдованный. И Антипин, словно принц, разыскивающий спящую красавицу, медленно шел по его дремучему лесу. Спешить некуда. До прыжка еще девятнадцать минут.

…За тридцать секунд до прыжка «Сегежа» проверила себя: все ли механизмы готовы, все ли живые существа надежно спрятаны, все ли роботы догадались закрепиться. Приборы доложили: все в норме.

Корабль содрогнулся – никто из людей уже не почувствовал этого – и, растворившись в космосе, субматериальной волной ринулся к точке, отстоявшей на девяносто три световых года от Земли и на два миллиона километров от Синей планеты.

Глава вторая
Здравствуй, Адам!

1

Хуже всего перенес прыжок корона Аро. Павлыш приказал роботам перенести его в госпиталь. Аро терял сознание и в бреду старался сорвать коробочку лингвиста. Вас приплелся в госпиталь, чуть только пришел в себя, у него оказался с собой целый ящик лекарств.

С мостика позвонил капитан. Спросил у короны Вас, как торможение может отразиться на здоровье Аро. Вас не знал. Договорились отложить торможение на десять часов. «Сегежа» на крейсерской скорости пошла по большой дуге вокруг Синей планеты.

Баков, расчесав казацкий чуб, обходил корабль. Настроение было плохое: «Сегежа» подвела. Роботы занимались ремонтом приборов, пострадавших при толчке. Тетя Миля спрятала разбившуюся чашку, уже третью, в шкаф. Потом попросит Кирочку склеить – у нее золотые руки.

Вынужденная пауза нарушила размеренное течение жизни «Сегежи». Свободные от вахт собрались в кают-компании, в десятый раз читали отчет разведчика, разглядывали

фотографии. Малыш пытался убедить Кудараускаса в том, что жители Синей планеты – потомки атлантов. Кудараускас, человек трезвый и сухой, обстоятельно доказал Малышу невозможность подобного допущения, чем укрепил Малыша в решимости разрабатывать эту гипотезу.

Баков поднялся на мостик со списком повреждений и убытков, нанесенных большим прыжком. Вид у него был виноватый, и кончики усов обвисли. Капитан список читать отказался, спросил только, не попало ли в него что-нибудь незаменимое.

– Как вам сказать… – начал Баков.

Капитан понял, хмыкнул и произнес:

– Я ведь тоже старпомом летал. Недавно еще. Переживал. Мы как-то в метеоритную бурю попали. Не в поток – в самую настоящую бурю. Бьются метеориты о корпус, мебель гнется; куда ни поглядишь, летят осколки корабельного имущества. А надо вам сказать, Алексей Иванович, судно наше было каботажником: Луна, ближние планеты – и домой. Так капитан наш, Паплиян – не слышали о таком? – он сейчас на Земле, во Втором управлении…

Павлыш сказал по внутренней связи:

– Корона Аро хочет поговорить с вами, капитан.

– Слушаю, – обернулся к видеофону капитан.

Аро лежал на подвесной койке, до подбородка закрытый простыней. Веки его набрякли и почернели.

– Мне уже лучше, Геннадий Сергеевич, – проговорил

Аро. – Я хотел извиниться за задержку, вызванную моей слабостью.

Загребин постучал сигаретой о край пепельницы, улыбнулся и сказал:

– Надеюсь, вам скоро будет еще лучше.

– Мне уже лучше. Я думаю, можно начать маневр.

– Это мы сейчас увидим, – сказал капитан. – Павлыш, как ваше мнение?

– Рано еще, Геннадий Сергеевич. – Павлыш приблизил лицо к экрану видеофона. – И корона Вас со мной согласен. Я думаю, корона Аро несколько возбужден…

– Ясно, – решил Загребин, – отдыхайте. Время у нас есть. Они ждали год, подождут еще несколько часов. – Он отключил видеофон и сказал вошедшему Бауэру: – Прискорбная задержка. Я все отлично понимаю, а вот хочется сразу рвануть туда. И собственными глазами посмотреть.

– Да, странное чувство, – согласился Бауэр. – Как будто можем опоздать.

– И все-таки нам повезло, – сказал Загребин, – что мы шли на Титан. А если бы «Агра» оказалась на нашем месте?

Потом Геннадий Сергеевич завел длинный разговор о том, что делать на корабле после посадки.

– Уровень радиации смертелен. Работать будем в скафандрах высокой защиты. Подготовить дополнительные шлюзы на выходах. Будем жить в состоянии постоянного радиационного аврала. И объявим его сейчас, чтобы не терять

даром времени.

2

«Сегежа» вышла на ближайшую орбиту через неделю после прыжка. Синяя планета медленно поворачивалась в двухстах километрах внизу, последовательно показывая материки, океаны, острова. Жизнь корабля полностью нарушилась. Отстояв вахту, штурманы не уходили с мостика. Да и остальные члены экипажа предпочитали под всяческими предлогами, а то и вовсе без предлогов держаться поближе к экрану внешнего обзора.

Капитан много курил – робот едва успевал чистить пепельницу, – поглядывал на посторонних, чье пребывание на мостике ничем нельзя было оправдать, но молчал. Баков, единственный, кто покидал мостик сразу после конца вахты, хотя ему хотелось побыть у экрана никак не меньше прочих, указал как-то Загребину на нарушение внутреннего распорядка. Загребин только вздохнул:

– Это любознательность. Та самая, которая движет прогрессом и свойственна не только людям.

– Если бы прогулка… – сказал Баков.

– А я не рассказывал про того старика, который у нас в училище вел навигацию? Он всегда говорил: если будете перевозить слонов, обязательно запирайте клетки. Как почистите, так и запирайте. Мы, говорит, везли однажды на Марс двух слонов и забыли клетку запереть. Один слон был пожи-

лой, умный и нелюбознательный. Он остался. Другой, молодой, вышел и отправился на мостик. В результате пришлось на два дня задержать торможение. Ловили слона.

Бауэр хихикнул. В прошлый раз притча о слонах была рассказана совсем с другой моралью.

– Не совсем понимаю, – сказал Баков, и усы его дрогнули.

– Я сам не сразу понял. Во-первых, зачем слоны на Марсе? Во-вторых, зачем слонам любознательность?

Загребин прикурил от недокуренной сигареты новую и спросил Бауэра:

– Посмотри, Глеб, у полярных шапок радиация не меньше?

Первые снимки, сделанные за миллионы километров, показывали спокойный мир, чем-то схожий с Землей. Так же облака закрывали клочьями океаны и материки, так же зелеными пятнами проглядывали долины и белыми – ледяные шапки у полюсов. Правда, облаков было больше, чем на Земле, и они быстрее двигались над планетой – видно, чаще дули ветры. Корона Аро предположил, что эти возмущения – следствие ядерных взрывов. На планете нарушен климатический баланс.

Зонды послушно отправлялись в полеты к поверхности, сообщали о составе воздуха, уровне радиации, температуре и составе биосферы. Биосфера была крайне бедной, куда беднее, чем положено иметь планете такого типа.

Увеличенные снимки участков планеты, принесенные

разведдисками, грудами лежали на навигационных столах и в кают-компании, а после тридцатого витка объем собранной информации вырос настолько, что переработать его можно было бы, только переключив на это Большой Мозг. Однако основное было ясно и без обработки информации: планета мертва. Раньше, совсем недавно, здесь обитали люди, сотни миллионов, миллиарды людей. Но год назад после атомной катастрофы они погибли. Все до единого. Кто спасся от ядерных взрывов – умер от радиации. Заражено все – и воздух, и вода, и почва. Пройдет еще много лет, прежде чем планета снова станет пригодной для жизни.

Причин катастрофы, ее продолжительности зонды и съемочные камеры выяснить, естественно, не смогли – это придется делать людям.

Пора было спускаться.

Совещание на мостике, посвященное этой проблеме, было длительным и бурным. За последние дни каждый из членов экипажа рассматривал карты, каждому приглянулось то или иное место на планете и каждый считал, что именно в его точке больше всего шансов найти «материал» для аппарата короны Вас.

Загребин всех выслушал, никого не перебивая, потом сказал:

– Я поддерживаю вариант короны Аро, который предлагает совершить посадку у города в южном полушарии, где климат довольно суров и в течение девяти месяцев темпе-

ратура ниже нуля. Город сравнительно мало поврежден. По крайней мере, меньше многих других городов. Он лежит в низине, на берегу моря и с трех сторон защищен от ветров. Речка, протекающая через город, берет начало неподалеку в горах, из ключей. Возможно, уровень радиации в ее воде ниже, чем в воде других источников. Вот вроде и все.

Снимок города, который капитан выбрал для высадки, прикрепили к стене. Сверху, с высоты тридцати километров, город казался коротконогим осьминогом, подобравшим половину щупалец. Он обнимал двумя из них полукруглую бухту, упрятав тело между высокими холмами. Часть зданий в городе сохранилась, и улицы, извилистые и узкие, проглядывали кое-где светлыми полосками. В некоторых местах они прерывались, засыпанные обрушившимися домами. Бомбы взорвались, видимо, на его восточной окраине, а западные районы, за центральным холмом, увенчанным руинами какого-то большого здания, остались целы. Правда, после взрывов в городе бушевали пожары – черные полосы гари широкой кистью были нанесены на карту.

За городом вдоль дороги к горам встречались отдельные домики и группы домиков.

Большего при первом осмотре нельзя было узнать. Но все равно космонавты подолгу стояли у снимка, вглядываясь в извилины улиц и зелень холмов (в городе была поздняя весна). Пройдет день, и город из не очень четкого снимка превратится в пейзаж, в камень и дерево, в проблемы и споры.

Он приобретет имя, вернее, вернет себе свое старое имя. И еще долго члены экипажа «Сегежи» будут говорить, встречаясь: «А помнишь, как мы жили в …» Может быть, если удастся эксперимент, этот город войдет в учебники истории Галактики как место, где было начато возрождение Синей планеты. И в книгах будут писать: «Космический корабль «Сегежа» г/п 304089 опустился в районе города…».

3

Диск «Сегежи» опустился на планету в районе города…

Некоторое время на корабле царила зыбкая тишина встречи с землей, тишина не беззвучная, а полная гудения механизмов, суетни очнувшихся роботов, мерцания аварийных ламп и шелеста креплений.

Загребин протянул руку к раме экрана, достал сигарету и, не отрывая глаз от экрана, закурил. Баков демонстративно откашлялся в соседнем кресле и спросил:

– Включить внутреннюю связь?

– Включайте, – сказал капитан.

Он знал: старший помощник хотел, чтобы капитан, как и положено по инструкции, поздравил экипаж с благополучным прибытием на новую планету. Но следовать инструкции не хотелось. Уж очень было тревожно.

И тогда Баков включил внутреннюю связь и спросил:

– Корона Аро, корона Вас, как перенесли посадку?

– Хорошо, – ответили короны по очереди.

Тут Загребин посмотрел на экран и сказал:

– Мы прилетели. Пришли. За работу. С настоящего момента входит в силу наземное расписание номер три. Для чрезвычайно сложных условий. Начать подготовку механизмов для разведки.

Баков нахмурился. Поздравления не было, а слова о рас-

писании положено говорить старшему помощнику.

Капитан смотрел, не отрываясь, на экран и старался угадать, что принесет завтрашний день и все те дни, что придется провести на этой погибшей планете.

Экран вобрал в себя окружающий мир. С одной стороны совсем близко подступали крутые склоны холма, кое-где затянутого пятнами зелени. По другую, за пустырем, поломанным рядом тянулись небольшие дома, незнакомые, непонятные, но в то же время приспособленные для того, чтобы в них жили именно люди. Стекла в домах были выбиты, и окна зияли черными провалами.

Загребин включил звук, и в корабль ворвался заунывный шум ветра.

4

В коридоре стало тесно. Роботы под наблюдением Антипина соорудили дополнительный антирадиационный тамбур. Тамбур был тесен. Это не играло роли, когда вы выходите наружу, но задерживало возвращение на корабль.

Первыми в тамбур втиснулись Баков, Бауэр и Снежи́на. Снежи́на сказала – правда, не очень искренне, – что следовало бы вместо нее выпустить в первой партии Кирочку: она, по крайней мере, втрое меньше.

Бауэр ничего не ответил. Он стоял, прижавшись к стенке, ожидая, когда отодвинется люк в основной шлюз корабля, и думал о чем-то очень далеком и невеселом.

Это было не только с Бауэром.

Многим из членов экипажа уже приходилось ступать на камни или лед новых планет или астероидов. Многим приходилось проводить часы перед высадкой в ожидании, пока автоматы принесут последние сведения, и видеть в нескольких метрах недоступную еще поверхность планеты. И всегда это было связано с томлением, но томлением скорее сладостным, томлением мореплавателя, который должен ждать прилива, чтобы спустить шлюпку и преодолеть последние метры до неведомой земли, до ее золотого песка и пышных пальм…

Люк в основной тамбур отошел в сторону, и Баков пропустил вперед Снежи́ну. Здесь было свободнее. Зашуршал

входящий в тамбур воздух. Он будто шептал о чем-то, и Снежи́не показалось – предупреждал, запрещал.

Баков смотрел, как медленно отходил люк. Это было похоже на солнечное затмение. Тень луны уходит с солнечного диска. Только это был не солнечный диск. На планете было дождливо, серо и ветрено.

Легкий туман клочьями пролетал мимо корабля, и за завесой дождя скрылись недалекие дома города. Снежи́на включила отопление скафандра. Было градусов пять тепла.

Баков первым спрыгнул на поверхность планеты. Он постарался спрыгнуть легко и даже изящно, потому что всегда помнил о впечатлении, которое должен производить на окружающих. Он знал, что на мостике у экрана стоят его товарищи и каждое движение старшего штурмана видно им во всех деталях. Баков обернулся и помог выйти Снежи́не. Бауэр шел последним.

Несколько секунд они стояли, глядя, как на люк снова наползает крышка. Потом Бауэр поднял руку для тех, кто остался на мостике. В наушниках прозвучал голос Загребина:

– Не увлекайтесь.

Загребин откашлялся, и Бауэр представил, как он постукивает сигаретой о край пепельницы.

Бауэр прислушался. На планете все было тихо. Вдруг сзади что-то лязгнуло. Снежи́на вздрогнула и обернулась.

– Это «Еж», – успокоил Баков. – Он будет нас сопровож-

дать.

– Может, все-таки поедете на нем? – спросил Загребин.

– Нет, Геннадий Сергеевич, мы так пойдем. А в случае чего заберемся в «Ежа», – ответил Баков.

– Ну, давай, – сказал Загребин. Он сам предложил, чтобы вездеход шел за группой. На всякий случай.

Бауэр посмотрел на шкалу счетчика радиации. Стрелка дрожала далеко за красной чертой.

«Еж», скорее напоминающий жука с длиннющими передними ножками, остановился в двух шагах от разведчиков.

– Пошли, – сказал Баков. – Все в порядке!

Он сделал шаг по мелким камням, усеивающим продрогшую влажную землю. Его прямые широкие плечи, обтянутые скафандром, были напряжены. Баков был очень серьезен и не собирался рисковать.

5

Видно, здесь, за последними домами города, никогда ничего не строили. Пустырь пересекали тропинки, заросшие плесенью и мхом. Вчера роботы притащили их образцы, и Павлыш засел на ночь в лаборатории. Потом к нему присоединился Вас. Биологи решили, что плесень – мутация, приспособившаяся к жизни на мертвой планете. Вернее всего, она недавно покрыла этот пустырь. Раньше здесь росли трава и кусты.

Снежи́на подобрала высохшую ветку и протянула ее «Ежу». Тот взял ветку длинной рукой и спрятал в свой «горб». Павлыш потом разберется.

Мелкие капли дождя били по шлему и стекали струйками к плечам. Приходилось время от времени вытирать забрало перчаткой. Но все равно через минуту мир снова начинал дрожать и расплываться, искаженный струйками воды.

Баков увидел тропинку и свернул на нее, отклонившись от прямого пути к домам. Шагов через двадцать тропинка раздвоилась.

Мощенная камнем дорожка вела к дому. У закрытой растрескавшейся двери стояло дерево. На надломанной ветви сохранились бурые, скрючившиеся листья.

– Подождите здесь, – сказал Баков Снежи́не и Бауэру. И для сведения Загребина добавил: – Сейчас войду в помеще-

ние.

Снежи́на рассматривала дом. Закрытая дверь, краска облупилась, и между ее розовыми пятнами проглядывает серое дерево. Несколько окон – шесть или семь по фасаду. Окна, высокие и узкие, сужаются кверху. Некоторые закрыты ставнями. Раньше в окнах были стекла, но стекла вылетели, и осколки валяются на дорожке. Некоторые из осколков белые – на окна были наклеены полосы бумаги. Плоская крыша выступает далеко над стеной.

Тем временем Баков подошел к двери и потянул ее на себя. Дверь скрипнула и отворилась.

Баков включил фонарь на шлеме и медленно повернул голову, обшаривая лучом комнату.

– Пусто, – решил он наконец. – Пойдемте.

«Еж» подвинулся по дорожке к самому входу, и Снежи́на знаком приказала ему ждать.

Первая комната была пуста, только на дальней стене висела картина без рамы и прибор с циферблатом, похожий на часы.

Лучи фонарей метались по комнате, играя тенями на стенах.

Дверь в следующую комнату была открыта. Баков сделал шаг к ней, но вдруг остановился, прислушался. Снежи́на тоже услышала тихое постукивание, быстрое и ровное, будто кто-то на цыпочках пробежал через ту комнату.

– Прибавь мощности, – шепнул Бауэр.

Баков переключил фонарь на шлеме, и тот кинул ослепительный поток света. И тут же постукивание пропало, будто налетев на препятствие.

– Что-нибудь случилось? – спросил в шлемах голос Загребина.

– Тише, – прошептала Снежи́на.

Баков сделал шаг вперед, в дверной проем.

– Вот она, – сказал он.

Снежи́на заглянула ему через плечо. Пойманное в ловушку яркого луча, ослепленное, в углу комнаты сидело рыжее животное, похожее на крысу, только без хвоста, с большими острыми ушами. Услышав голос Бакова, крыса, будто очнувшись, бросилась к высокой кровати, занимавшей чуть ли не половину комнаты, и исчезла под ней.

– Обнаружили животное, похожее на крысу, – доложил обыденным голосом Баков. – Поймать пока не удалось.

– Интересно, – сказал Загребин.

Баков, задумавшись о чем-то, кивнул.

– Может, отодвинем кровать? – спросил Бауэр. – Эта дуся могла построить себе гнездышко.

Баков ничего не ответил, но потянул на себя кровать, аккуратно застланную истлевшим, ветхим покрывалом.

Снежи́на ахнула. За кроватью обнаружилось большое гнездо, из которого к щелям между стеной и полом кинулись крысята. Бауэр открыл ставни, и в комнату вошел серый дождливый день.

Потом осмотрели остальные помещения. Снежи́на удивилась несхожести таких знакомых вещей, как плита, кастрюли, стулья, будто изобретатель долго ломал голову, чтобы сделать их не такими, какими положено им быть в Москве или Париже. На Синей планете вся мебель – столы, стулья, кровати – почему-то были на трех, пяти или даже более ногах, с треугольными и пятиугольными поверхностями…

6

Они сошли по ступенькам вниз и свернули направо, к другим зданиям. Бауэр нес в руке пачку отпечатанных листов, вернее всего, газету. Он осторожно передал их ожившему при приближении людей «Ежу».

Второй дом выплыл из тумана, похожий на первый провалами выбитых окон и безнадежным запустением. Разведчики прошли мимо, приостановившись на секунду. Большая устоявшаяся лужа перекрывала дорожку дальше, и пришлось обогнуть ее по камням пустыря. Никому не хотелось входить в черную воду – было такое чувство, будто промочишь ноги.

Третий дом был побольше других. Угол его обвалился. Сквозь дыру виднелись треугольный стол, шкаф и какой-то небольшой ящик, блестящий с одной стороны. «Еж» задержался, сунул лапу в дом и уложил ящик к себе в багажник. «Еж» был похож на старьевщика, который умудрился превратить в мешок самого себя. Третий дом стоял уже на углу настоящей улицы, с мостовой и тротуарами по сторонам. По обе стороны вдаль уходили вереницы одинаковых зданий. Улица вела к центру. Вчера ее осмотрели роботы-разведчики. Маршрут группы дальше вел по ней.

– Почему дома кажутся старше, чем они есть на самом деле? – спросил сам себя Бауэр.

– Старше?

– Ведь всего год, как люди ушли отсюда.

И как бы в ответ на его вопрос дождь внезапно усилился, и со стороны моря на улицу ворвался ветер. Ветер бил струями дождя по потрескавшимся облезлым стенам, старался сорвать кровлю и выбить остатки стекол. Идти вперед стало труднее. В десяти шагах впереди Баков казался Бауэру туманным привидением.

Остановились. Ветер все крепчал и, казалось, хотел загнать космонавтов обратно на корабль.

– Возвращайтесь, – приказал Загребин. – Слишком сильный ветер.

Снежи́на оглянулась, стараясь разглядеть такой близкий и совершенно еще незнакомый город. Что-то круглое катилось посреди улицы к разведчикам. Баков отступил в сторону. Бауэр нагнулся и поднял ржавую каску с поперечным невысоким гребнем. Каска была пробита сбоку, и в круглое отверстие можно было просунуть палец. Бауэр так и влез в «Ежа» с каской в руках. Он был похож на пожарника или солдата, отдыхающего после трудного дела.

Крыша кабины «Ежа» задвинулась, и вездеход развернулся к кораблю. Он шел медленно, обходя выбоины на мостовой, и дождь бил по куполу кабины…

7

Погода до вечера не улучшилась. Шторм старался раскачать диск «Сегежи» и заткнуть его в расщелину между холмами. Экран на мостике почти ослеп, и сквозь разрывы в ливневой стене иногда мелькала блестящая спина дежурного робота, кружившего, не обращая внимания на непогоду, вокруг корабля. Экраны локаторов показывали, что вокруг все спокойно: зеленые точки и полосы улиц были неподвижны.

Корона Аро поднялся на мостик и сел подальше от капитана, чтобы не задохнуться от табачного дыма.

– Странная привычка, – сказал он. – Попали бы вы на нашу планету лет тысячу назад, вас бы сочли за колдуна и уничтожили.

– У нас было тоже нечто подобное. – Загребин погасил сигарету. – Колумб, великий путешественник, привез табак из Америки. Некоторые думали, что это колдовство… Что вы можете сказать о сегодняшнем дне?

– Я им недоволен, – ответил корона Аро.

Кудараускас, сидевший у локатора, покосился на корону, потом подумал, что вмешиваться в разговор ему не следует, и снова повернулся к локатору.

– Два фактора, не учтенных разведэкспедицией, меня очень смущают.

– Я их назову за вас сам, – сказал Загребин. – Это погода

и крысы.

– Да, погода и крысы, – согласился корона Аро. – Я сейчас был у Павлыша. Он увеличил снимки. Крысы всеядные, и я не исключаю, что их много. Они как-то приспособились к радиации.

Робот Гришка, в белом переднике, принес поднос со стаканами чая и бисквитами. Загребин подвинул один из стаканов Аро. Кудараускас отставил свой в сторону – пусть остынет.

– Чай очень возбуждает, – заметил Аро. – Два-три глотка – и я уже всю ночь не сплю. Но это неважно. Я могу не спать несколько ночей без вреда для себя. Как биолог, я знаю, что чай мне пить не следует.

– Посмотрите! – воскликнул Кудараускас.

На экране локатора одна из зеленых точек сдвинулась с места и медленно поползла по направлению к кораблю. Потом остановилась.

– Где это? – спросил капитан.

– Расстояние… расстояние три километра. Размеры объекта примерно десять квадратных метров.

– Крышу сорвало ветром, – уронил корона Аро, прихлебывая чай. – Крышу.

– Правильно, – сказал капитан. И добавил: – Поглядывай в тот сектор, Зенонас.

– Извините, Геннадий Сергеевич, – произнес вдруг Кудараускас. – Можно я задам вопрос?

– Почему так официально?

– Вопрос серьезный. Имеем ли мы право вмешиваться в их жизнь?

– Не понимаю, – ответил капитан, но, видно, все понял, потому что вынул из пачки новую сигарету, закурил, забыв, что Аро, возможно, неприятен дым.

– Я слышал все аргументы в пользу попытки оживить здешних людей. С научной точки зрения, очень интересная попытка. А нужна ли она?

– Я удивлен, – сказал корона Аро. Хвост его неожиданно вздрогнул, и коготь на конце хвоста три раза стукнул об пол.

– В развитии каждой цивилизации, – продолжал Зенонас, – есть своя логика, своя целесообразность. Изобретения, которые становятся доступны этой цивилизации, – одновременно испытание ее на прочность.

Зенонас встал и подошел поближе к капитану и короне. Он говорил медленно и внятно. Человеку, который не знал Зенонаса, могло бы показаться, что этот худой некрасивый блондин холоден и равнодушен. В самом деле, за подчеркнутой флегматичностью, за внешней размеренностью всего, что делал и говорил Зенонас, скрывалась сумятица мыслей и чувств и неуверенность в себе, которая заставила Зенонаса три года поступать и три года подряд проваливаться на труднейшем конкурсе факультета астронавигации, и все-таки поступить на четвертый год и стать лучшим из молодых навигаторов Земли.

– Могло так случиться, – развивал свою мысль Зенонас, – что мы на Земле не справились бы с атомом. И мы тоже погибли бы, как и люди на Синей планете. Теперь вопрос: стоило бы нас тогда спасать, стоило бы возрождать цивилизацию, которая, по сути дела, кончила жизнь самоубийством? Ведь если она убила себя, значит, в ее структуре, в ее судьбе был какой-то серьезный, скажем, генетический изъян, который предопределил ее гибель.

Загребин не любил отвечать сразу на сложные вопросы. Он в таких случаях тщательно составлял в уме ответ или решение, проверял его до запятой и только потом говорил. Но говорил уже окончательно.

Ответил корона Аро:

– У нас на планете была биологическая война… Сегодня мы можем с высоты сотен лет смотреть на нее как на болезнь роста. Не как на генетическую болезнь – как на болезнь роста. Тогда же она была страшной трагедией. И, может быть, мы не пережили бы ее, если бы к нам не пришла помощь сферид. Их диски опустились в разгар войны в нескольких стратегических пунктах нашей планеты.

– Нас с вами трудно сравнивать.

– Почему?

– Люди воевали не потому, что им этого хотелось, – вступил наконец Загребин. – Людям никогда не хотелось воевать. Но некоторым, всегда меньшинству, войны были выгодны. В любой войне страдали не те, кому войны были вы-

годны, – они обычно выпутывались. Страдали и умирали те, кто войны не хотел. И я не удивлюсь, если мы найдем на этой планете солидные бомбоубежища, в которых еще несколько недель, а может, и месяцы после катастрофы существовали виновники войны. И умерли они одними из последних. Они планировали эту войну, планировали убийства, убийства всех, кроме себя. Другое дело, они недооценили силу джинна, которого выпустили из бутылки. Так вот, жители Синей планеты не виноваты в своей смерти, как не виноваты в своей смерти заключенные концлагерей и жители Хиросимы. В них не было никаких генетических изъянов. И если мы можем вернуть их к жизни, наш долг сделать все, чтобы вернуть их. Если бы тебе, Зенонас, сказали, что ты можешь оживить хотя бы десять человек, погибших в Хиросиме, неужели ты отказался бы делать это, потому что их гибель была предопределена природой, роком или еще чем бы то ни было?

– Вы меня не совсем правильно поняли, – Зенонас покраснел, и оттого его прямые волосы казались еще светлее. – Я не хочу, чтобы меня принимали за человеконенавистника. Если бы я мог оживить жертву Хиросимы или еврея, задушенного в Освенциме, я бы это сделал не раздумывая. Но на Земле мы смогли не допустить гибели цивилизации. Значит, мы миновали пору детства. На планете корон также еще не известно, погибла бы цивилизация, не приди на помощь сферид. Может быть, и нет. Может, она была бы сейчас еще

выше. На Синей планете не нашлось сил, способных остановить войну. И если мы оживим их, возникнет дилемма. Или мы оставим их в покое, и тогда через полвека они с таким же успехом снова перебьют друг друга. Или мы будем контролировать их действия, как няньки, и тогда это уже будет не их цивилизация, а наша, галактическая. То есть мы ничего не возродим, а построим свое, новое.

– А галактическая цивилизация – это пока самое интересное, чего добилась эволюция во Вселенной, – сказал корона Аро.

– Есть третий путь, – заметил капитан. – Даже и без нашего контроля жители планеты, знающие, что с ними произошло, справятся со своими проблемами. Почему вы отказываете им в разуме?

– Вы знаете почему. Они однажды не проявили его.

На контрольном пункте замигали россыпью зеленые огоньки. Метеоприборы сообщили, что ветер стихает.

– Вот что, – сказал капитан. – Мы еще поговорим на эту тему. Пора готовиться к экспедиции. Затишье ненадолго.

8

Члены экспедиции собрались у «Великана» – основного вездехода «Сегежи». Корона Аро в своем скафандре казался злодеем из старинного фильма космических ужасов. Возможно, что он думал то же самое о людях, потому что подошел к Антипину и сказал:

– Как вы только обходитесь без хвоста?

И, чтобы показать, как удобно обладать такой частью тела, он поднял под скафандром хвост, лежащий концом на плече, и почесал роговым концом один из своих многочисленных глаз.

Снежи́на засмеялась, а Антипин сокрушенно покачал головой и поклялся сделать себе хвост, какой коронам и не снился.

Дождь почти перестал, и у горизонта, в просвете между облаками, поблескивало синее небо.

Последним из корабля вышел Загребин.

– Где Павлыш? – спросил он.

– Я здесь. – Павлыш высунулся по пояс из верхнего люка вездехода.

– Тогда прошу всех по местам, – приказал Загребин.

Антипин перевел вездеход на ручное управление и тронул с места. Павлыш с короной Аро спустились на нижний отсек, чтобы еще раз проверить рефрижератор. Снежи́на с

Загребиным уселись за спиной Антипина.

Вездеход медленно проехал мимо дома с крысами, миновал следующие два дома и повернул на улицу, ведущую к центру.

– Мы с Баковым до сих пор дошли, – сказала Снежи́на. – Здесь нашли каску.

– Интересно, как они последний день прожили? – сказал Антипин.

– А что?

– Вот, например, магазин. Всякую одежду продавали. Видите? Наверно, еще в последний день кто-нибудь платье примерял.

Вездеход объехал кучу камней – остатки разбитого взрывом или ураганом дома. За камнями пришлось задержаться. «Великан» перекинул через глубокую воронку мост из собственных рук и перетащил себя, подобно Мюнхгаузену, на другую сторону, на небольшую площадь, с трех сторон окруженную домами. С четвертой стояло пирамидальное здание с изображением диска с волнистыми лучами. Сделанный из какого-то блестящего металла диск покосился, и некоторые лучи отломились.

Аро, который к тому времени уже вылез из рефрижератора, сказал, показывая на пирамиду:

– Культовое здание.

– Может быть, какое-нибудь учреждение.

– На верхушке изображение солнца.

– Подъедем поближе, – сказал Антипину Загребин. – Там что-то…

– Человек? – Снежи́на даже привстала на сиденье.

– Где?

– Там, у входа в храм!

Треугольный проем входа в храм был черен. Поперек него лежало что-то напоминающее человеческую фигуру.

Вездеход развернулся к храму быстрее, чем двигался обычно. Антипин наклонился вперед, стараясь разглядеть дальний край площади. Храм в несколько секунд вырос перед вездеходом – серый, каменный, видно, очень старый: камни были выщерблены. Ветрам, даже таким сильным, как здесь, понадобилось бы на это много лет.

Поперек входа лежал скелет человека. Несколько обрывков одежды цеплялось за белые кости. Рядом, откатившись к косяку, валялась каска.

Загребин вылез из вездехода и нагнулся над скелетом. Он обошел его, стараясь не задеть, потом обернулся к подошедшему короне Аро и спросил:

– Очевидно, безнадежный случай?

– Тут мы ничего сделать не можем, – ответил Аро. – Ничего.

Загребин засветил фонарь на шлеме и заглянул внутрь храма. Луч рассеялся и утонул в пустоте большого зала.

– Здесь больше никого не было, – сказал Загребин.

Зал был пуст – ни украшений, ни скамей, – только в конце

его несколько ступеней вели к алтарю, украшенному мерцающим в темноте изображением солнца.

Голос Загребина разлетелся по залу и вернулся удесятеренным.

– Есьь ольшее иио не было…

Когда Загребин вышел из храма, скелет у дверей исчез: Павлыш приказал «Великану» взять его с собой. Павлыш был прежде всего биологом, и неизвестно, найдут ли они сегодня останки других жителей планеты.

– Теперь куда? – спросил Антипин.

– Направо. Улица ведет к центру, – сказал Загребин.

9

Через несколько десятков метров вездеход снова остановился. Антипин взглянул на капитана, и тот кивнул. У тротуара стоял экипаж. Три пары колес несли длинное обтекаемое тело машины. Машина казалась совершенно новой, только вчера оставленной здесь владельцем. Лишь проржавела приоткрытая дверца.

– Я загляну в двигатель, – сказал Антипин.

– Давай, – согласился Загребин. – Снежи́на останется со мной в вездеходе. Павлыш и корона Аро, можете выйти, размяться. Вон там что-то вроде большого магазина. Только не пропадайте из виду.

Снежи́на немного расстроилась, что ей придется сидеть в «Великане», но отогнала обиду и, включив камеру, принялась снимать улицу. Загребин постучал себя по бедрам, рассеянно нащупывая карманы. Но карманы скафандра были не совсем там, где карманы костюма. И в них не было сигарет.

– Все равно бы не закурили, – засмеялась Снежи́на. – Шлем.

Капитан ничего не ответил, взял карандаш и стал крутить и разминать его в пальцах.

Корона Аро шел в двух шагах сзади Павлыша, предоставляя доктору полную свободу действий. Павлыш остановился перед разбитой витриной. По груде истлевших и проржавев-

ших вещей трудно было угадать, что же она представляла собой раньше. Ветер влетал в широкое окно и блуждал между полок с рулонами тканей, вешалок с костюмами, домашней утварью и прочим добром.

Павлыш взглянул вдоль улицы, перед тем как вступить в магазин. Антипин, раскрыв капот машины, увлеченно копался в двигателе и напевал: «Как мы с вами проржавели…»

– Обратили внимание, – сказал корона Аро Павлышу, – что на улицах не видно останков людей?

– Да.

– И в домах, по крайней мере в тех, куда мы заглядывали, тоже людей нет.

– И что же вы думаете? – спросил Павлыш, осторожно перебираясь через холм кастрюль и сковородок.

– Я думаю, что в этом городе жители были предупреждены об опасности. И успели спрятаться. В укрытия.

– Я тоже об этом подумал, – раздался голос капитана, который слышал этот разговор. – И одно из таких укрытий может быть под магазином. Это большой магазин. Поищите.

– Я буду смотреть на указатели, – сказал Аро. – Должны же быть указатели. Вот поглядите, Павлыш. Синие стрелы.

Они пошли, следуя указаниям синих стрел, нарисованных на стенах магазина. Миновали большой зал нижнего этажа. Стрела показывала на комнату в конце зала. Комната была уставлена стульями и длинными низкими столами.

– Столовая, – сказал Павлыш.

– Попробуйте поискать пути вниз, – предложил Загребин.

– Тут много дверей, – ответил Павлыш.

Следующие пять минут корона Аро и Павлыш, разделившись, обошли зал вокруг, открывая все двери. За двумя или тремя из них обнаружились ступени вниз. Но в одном случае они привели в склад, населенный крысами, которые разбежались, стуча когтями, когда в помещение вошел Аро; другая дверь скрывала пустую комнату, неизвестно для чего предназначенную. Комната была оклеена листовками и яркими плакатами, изображающими разъяренных мужчин с оружием в руках.

Аро и Павлыш встретились посередине зала. Рассказывать Загребину о неудаче не было смысла – тот знал о каждом шаге разведчиков.

– И все-таки люди где-то были. Куда-то убежали, спрятались, – продолжал настаивать корона Аро.

– Убежище, возможно, было на улице. К тому же город мог погибнуть ночью, – предположил Павлыш. – Когда магазины закрыты.

– В общем, все ясно, – вмешался в разговор Антипин. – Двигатель внутреннего сгорания. Кое-что интересно. А вот еще…

Голос Антипина оборвался.

Загребин посмотрел в сторону машины. Антипина там не было.

– Иван, – произнес он негромко, – что у тебя? Ты куда

делся?

А сам уже смотрел в сторону дверей магазина – он знал, что Павлыш и Аро все слышали и должны вот-вот выбежать. Павлыш появился на улице даже быстрее, чем Загребин ожидал, и в два прыжка был у машины.

– Тут люк, – оповестил он.

– Что случилось? Нужна помощь? – В шлемах зазвучал голос Бакова, который дежурил на мостике «Сегежи».

– Я немного ушибся, – сказал вдруг Антипин. – Не спеши, Слава. Тут метра три и крутая лестница. Сейчас я зажгу фонарь.

Снежи́на спросила:

– Можно я к ним?

Загребин кивнул.

Снежи́на выпрыгнула из вездехода. Корона Аро зашел за машину. Загребин понимал, что они все нагнулись над люком, в который провалился Антипин, поэтому их не видно, но именно это раздражало – казалось, что он один на улице. Загребин развернул вездеход и осторожно подогнал его к тротуару так, чтобы с места водителя видеть люк.

– Сейчас, – бормотал Антипин. – Сейчас. Что-то заело. Видно, повредил. Это ты, Павлыш?

Павлыш спускался по зыбкой металлической лестнице, которая вела в подвал. Он наклонил голову, чтобы свет фонаря упал на Антипина, и увидел, что тот сидит на неровном полу. Павлыш повернул голову, чтобы осветить подвал,

и понял, что они случайно нашли то, чего не могли отыскать в магазине, – убежище.

10

Пожалуй, за всю свою тридцатилетнюю жизнь Павлыш не видел ничего более страшного, чем это убежище на Синей планете.

Половина подвала – сводчатого длинного туннеля, уходящего вдаль, высотой метра три и шириной в пять-шесть метров, – была завалена скелетами. Среди скелетов лежало мало вещей. Видно, люди прибегали сюда, схватив самое необходимое, надеясь выбраться вскоре отсюда. Неизвестно, что погубило людей: то ли они погибли сразу от теплового или радиационного удара, от газовой атаки, то ли умирали постепенно, задыхаясь от недостатка воздуха или мучаясь в скоротечной лучевой болезни… Павлыш на секунду зажмурил глаза.

– Почему молчите? – спросил Загребин.

Павлыш не смог ответить. Ответил Антипин.

– Мы нашли их, – сказал он.

…Распугивая нахальных и быстроногих крыс, космонавты шли по темному туннелю. Казалось, он никогда не кончится и никогда не кончится галерея смерти.

– Крысы там побывали? – спросил капитан.

Аро ответил:

– Да. Если они завладели всей планетой, мы ничего не сможем сделать. Крысы – хорошие санитары.

Перед возвращением на корабль вездеход сделал круг по городу, уже нигде не останавливаясь. Проехали по главной улице, с трудом протиснувшись между запрудившими ее машинами и повозками, поднялись по пологой дороге к руинам громадного замка, оттуда были видны бухта и скалы, запирающие ее. Над портом поднимались голенастыми птицами подъемные краны, и между ними, выброшенный на причал, лежал на боку небольшой корабль. Труба его откатилась в сторону.

Раза три космонавты натыкались на скелеты людей, в основном военных, лежащие на улицах. Но теперь этому уже не удивлялись и этой пустоте тоже не удивлялись: под улицами, под домами пролегали туннели бомбоубежищ. То, что осталось от жителей города, находилось там.

Возвращение к «Сегеже» было невеселым. Говорить не хотелось, и участники экспедиции только изредка обменивались словами. Равнодушно стрекотали камеры, запечатляя улицы и дома, и вездеход время от времени тормозил, чтобы объехать груду камней или машину, вставшую поперек дороги.

В этот вечер тетя Миля впервые вышла к ужину, хотя знала, что короны будут в кают-компании. Она заварила специально для корон очень слабый чай, а то спать не будут.

– Завтра в город отправляется группа: Бауэр, Кудараускас, Цыганков, – объявил после ужина Загребин. – Старший – Бауэр.

И все разошлись по каютам.

11

Первое тело человека привезла на корабль именно группа Бауэра. Находка была совершенно случайной. Разведчики попали в портовые склады и уже собирались уходить оттуда, как их внимание привлекла запертая дверь. Дверь была не только заперта, но и забаррикадирована изнутри. Уже это заставило космонавтов не жалеть усилий для того, чтобы ее открыть. За дверью оказался холодильник, давно отключившийся, но заваленный плитами не растаявшего льда. На глыбе льда лежал полуразложившийся труп человека.

Узнав о находке, корона Вас сразу начал готовить аппаратуру, не ожидая, пока вернутся разведчики. И когда вездеход покатил к кораблю, все было готово.

С курами дело ясное – с ними машина работала. Но что получится с человеком?

– И бог создал Адама, – сказал Малышу Бауэр.

– Бог, как ты теперь знаешь, понятие коллективное, – ответил Малыш. – Один из богов включает рубильник, второй будет следить за температурой, а еще один, поменьше рангом, – это я – будет в это время на вахте. И потому пропустит исторический момент.

Ожил динамик внутренней связи, и подчеркнуто сухим голосом Баков произнес:

– Вниманию членов экипажа. Желающие наблюдать ход

операции могут подняться на мостик. Мы переключаем на лабораторию большой экран. В лаборатории находятся только участники эксперимента и доктор Павлыш. Повторяю…

Экран показывал внутренность лаборатории – Аро у пульта, Павлыш и Вас у приборов рядом с колпаком операционного стола. Колпак был чуть матовым, и человек, лежащий на столе, опутанный проводами и шлангами, казался бесплотным. Лицо его было закрыто широкой белой повязкой.

Вошла Снежи́на, и Бауэр подвинулся, освобождая половину стула.

– Готово, – сказал в лаборатории Аро, повернувшись к операционному столу. Он включил пульт.

Действия Павлыша и короны Вас были уверенными, но казалось, что уже прошло полчаса, а они все так же наклоняются над пультами, подходят по очереди к операционному столу, снова возвращаются к приборам, делают массу неспешных и не очень нужных движений, которые никак не отражаются на состоянии прикованного к операционному столу тела.

Иногда биологи обменивались короткими фразами или словами, чаще даже цифрами, понятными только им.

В один момент получилась заминка: по приказанию Аро засуетились роботы, подключая дополнительные линии питания. Павлыш выпрямился, пользуясь минутой, чтобы отдохнуть, и объяснил для тех, кто был на мостике:

– Еще минут пять, и начнем поднимать температуру.

– Пока все нормально? – спросил Загребин.

– Трудно сказать. Идет регенерация клеток на молекулярном уровне.

– Доктор Павлыш, – прервал его Вас, – проверьте содержание белка.

И Павлыш тут же забыл обо всем остальном.

Бауэр встал и прошелся, чтобы размять затекшие ноги. Пять минут тянулись часами…

– Ой, смотрите! – сказала вдруг Снежи́на.

Даже под слоем креплений и шлангов видно было, как тело человека меняет цвет, розовеет, наполняется жизнью.

– Температуру не поднимать выше тридцати градусов, – приказал корона Вас.

…Когда первый человек Синей планеты очнулся, он лежал на кровати в госпитале доктора Павлыша; над кроватью был натянут прозрачный звукопроницаемый купол, защищающий человека от вирусов, от могущего оказаться для него смертельным, несмотря на принятые меры, воздуха корабля.

Это случилось в восемь вечера. Через три с половиной часа после начала эксперимента, на пятый день после спуска корабля «Сегежа» на Синюю планету.

Глава третья
Ранмакан в чужом мире

1

Пробуждение было мучительным. Жесткая сильная рука тянула вниз, хватала за горло, запрокидывала голову, чтобы Ранмакан не мог вырвать ее наружу из черной воды и вдохнуть. Один раз вдохнуть воздуха, и тогда он снова будет в состоянии бороться. И вдруг рука пропала. Ранмакану показалось – а может, это он потом придумал, – что даже увидел ее, волосатую, костлявую и покрытую блестящим инеем.

Потом стало тихо, и Ранмакан заснул. Он давно не спал так спокойно и сладко, с того дня, как началась война, сперва далекая, не затрагивающая обыденности существования пятидесяти тысяч жителей Манве, но уже неизбежная, подкрадывающаяся с каждым днем все ближе известиями о гибели других городов.

В сладкой дремоте мирно думалось. Все миновало. И даже воздушные тревоги, с каждым днем все более настойчивые и реальные, и патрули на темных улицах и бомбоубежища. Война пронеслась мимо и пощадила Манве. И теперь можно спокойно спать. Не открывая глаз. Долго-долго не открывая

глаз.

Ранмакан ощупал пальцами кровать – простыни были мягкими и свежими. Значит, он в госпитале. Наверно, в госпитале. Ведь тогда… Когда это было? Вчера? А может, уже несколько дней назад? Тогда он бросился к первому попавшемуся убежищу – убежищем оказалась дверь в какой-то подвал, склад. Это был… что же это было? Да, какой-то ледник. Он захлопнул за собой дверь. Потом были удары, тяжелые удары, будто кто-то могучий и безжалостный раскачивал землю. И вдруг удушье, рука, тянущая его вниз… и вот эта постель. Открыть глаза? Лень. Еще немного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.